

МАРКИЗА ДЕ ПОМПАДУР

Любви прекрасная богиня!
О, как судьбою я польщен!
Я Помпадур восславлю имя
Средь лучших Франции имен.
Вольтер

Мадригал маркизе де Помпадур,
угостившей его токайским вином,
которое ей прислал Людовик XV

Предисловие

Поскольку я специализируюсь на периоде 1750—1850 годов, логично заниматься биографиями, вписывающимися в эту эпоху; мне уже довелось говорить о Мирабо, Бомарше, Людовике XVIII, Кадудале, Луи-Филиппе, Лафайете, госпоже Рекамье, госпоже Дюбарри, Шатобриане, маршале де Кастри.

Совершенно естественно, что я увлекся биографией женщины, на долю которой в ту эпоху выпала самая необычайная судьба: около двадцати лет быть настоящей королевой Франции. Я говорю о Жанне-Антуанетте Пуассон, маркизе де Помпадур.

Она была очень умной женщиной, сумевшей удержаться в непрестом положении: любовница короля, не отличавшегося постоянством, она чрезвычайно ловко перешла от любви к дружбе, став в некотором роде поставщицей наслаждений, которых больше не дарила сама.

Перейдя от роли госпожи де Монтеспан к роли госпожи де Ментенон¹, она довольно успешно занималась политической, изменяя ход истории.

Ее удивительная жизнь протекала на подмостках первого двора Европы во время одного из самых ярких его расцветов; дворцовые интриги переплетались с политическими кознями вокруг красивейшей и умнейшей женщины, сумевшей расстроить их все и неповторимым образом способствовать процветанию искусств. Вот почему вслед за многими другими историками я поддался искушению проследить за ходом этой во всех отношениях исключительной жизни.

Однако для того чтобы понять судьбу мадам де Помпадур, необходимо хорошо знать короля, любовницей, подругой и советчицей которого она была.

Поэтому ее выходу на сцену предшествует длинная глава, посвященная Людовику XV и его личной жизни до того самого момента, как в нашем рассказе появится маркиза де Помпадур.

Глава 1

Людовик Возлюбленный

В 1744 году королю Людовику XV было всего тридцать четыре года, но при этом он царствовал уже двадцать девять лет. По странному совпадению в этом он напоминал свое-

¹ Франсуаза-Атенаис де Рошешуар, маркиза де Монтеспан (1641—1707) — фаворитка Людовика XIV, имевшая от него восемь детей, признанных королем. Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1660—1715) была гувернанткой детей Людовика XIV от мадам де Монтеспан, а после смерти королевы сочеталась с ним тайным браком. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

го прадеда и предшественника короля Людовика XIV, взшедшего на трон в пять лет при невероятно печальных обстоятельствах.

В самом деле, в двухлетнем возрасте он лишился родителей: герцог и герцогиня Бургундские, на которых возлагали большие надежды, скончались от оспы в феврале 1712 года.

Будущий король был третьим сыном своих родителей; старший Людовик, герцог Бретонский, родившийся в Версале 25 июня 1704 года, умер 13 апреля 1705-го. Второй Людовик, также герцог Бретонский, родился в Версале 8 января 1707 года. По смерти своего отца он стал дофином, но скончался в Версале 8 марта 1712 года.

Эта двойная кончина должна была изменить ход истории Франции. У принца оставались только два дяди: Филипп V, который, став королем Испании, в начале века покинул Францию, и герцог Беррийский, умерший в 1714 году.

После смерти Людовика XIV единственными близкими мальчика были его приемная бабка госпожа де Ментенон и троюродный дед Филипп Орлеанский, являвшийся регентом.

Таким образом, детство он провел в одиночестве, нарушенном лишь на несколько минут ради торжественного посещения умирающего прадеда. Людовик XIV призвал наследника к своему смертному одру и сказал ему:

— Дорогое дитя мое, вы станете величайшим королем мира, так не забывайте же никогда своего долга перед Господом. Не подражайте мне в войнах и старайтесь всегда поддерживать мир с вашими соседями и облегчать, как только возможно, жизнь вашего народа, чего мне, к несчастью, не удалось сделать из-за нужд государства. Всегда следуйте сему доброму совету и помните, что своим положением вы обязаны Богу. Даю вам в духовники отца Летелье, прислушивайтесь к его мнению и всегда помните о том, чем вы обязаны герцогине де Вантадур.

Эта дама была гувернанткой дофина и буквально спасла его от смерти, удалив от родителей во время унесшей их

эпидемии. К этой женщине, столь преданной малолетнему Людовику XV, и обратился король Людовик XIV с такими словами:

— Мадам, я бесконечно благодарен вам за ту заботу, с какой вы воспитываете это дитя, и за нежные чувства, которые вы к нему питаете; прошу вас не лишать его своей дружбы и в дальнейшем, а его призываю выказывать вам всевозможные знаки признательности. Мадам, подведите ко мне мое дорогое дитя, чтобы я мог поцеловать его напоследок, раз уж Богу угодно лишить меня утешения воспитывать его до более старшего возраста. — Соединив ладони, он добавил: — Господи, поручаю Тебе это дитя. Яви ему милость служить Тебе и почитать Тебя как христианнейшему королю и пробуждать любовь и благоговение к Тебе во всех народах королевства.

Поскольку будущий Людовик XV заливался слезами, слушая эти слова, всего значения которых он, вероятно, не понимал, его пришлось увести.

Каковы были последствия этой знаменитой сцены? Они неизвестны наверняка, но, похоже, советы умирающего не возымели своего действия: Людовик XV вел почти столько же войн, как и его прадед, но с меньшим успехом; как правило, не обращал внимания на несчастья своих народов; в том же, что касается женщин, он проявил еще большую распушенность, нежели Людовик XIV, а возможно, и Генрих IV.

Описание любовной жизни Людовика XV заняло бы несколько томов, неравноценных по представляемому ими интересу, — настолько его галантные похождения были многочисленны; на этом фоне выделяются только несколько официальных или полуофициальных любовниц, самой знаменитой из которых и посвящена эта книга.

Людовик XV, вероятно, был самым замечательным из потомков Людовика XIV: в детстве в нем обнаружилось много задатков; он был красив, умен, храбр, но отличался болезненной застенчивостью, от которой так и не сумел

излечиться окончательно и которая часто заставляла его грубить из-за невозможности мягко высказывать то же самое в лицо.

Регент проявил себя внимательным и уважительным родственником и все свои усилия направил на управление королевством, однако его финансовые познания были ограниченными, и банкир Ло, которому он опрометчиво доверил надзор за государственными финансами, наградил своим именем систему, породившую одно из самых знаменитых банкротств в истории. В пассив регенту следует записать и систему фаворитизма, принесшую ему больше врагов, нежели друзей. Зато его внешняя политика была достаточно хороша и обеспечила Франции долгий период мира, способствовавший восстановлению финансов.

От Людовика XV зависело продолжение династии, ибо регент удалил от трона незаконнорожденных, которых Людовик XIV, встревоженный мором в своем семействе, неосторожно провозгласил наследниками. Если бы Людовик XV не оставил потомства, корона перешла бы к герцогам Орлеанским, поскольку Утрехтский мир практически лишил Филиппа V и его потомков права на французский трон.

Чтобы смягчить этот запрет, состоялась помолвка короля с дочерью Филиппа V, которая была младше его на десять лет и еще играла в куклы, когда короля уже тревожили признаки полового созревания.

Никто не знал, достанет ли этому привлекательному подростку терпения дождаться, пока его маленькая невеста достигнет брачного возраста.

Сначала возникла опасность запретной любви: пажи из окружения короля имели склонность к педерастии, поскольку это не было редким явлением у Бурбонов, а воспоминание о Филиппе Орлеанском было еще живо — пришлось срочно принять меры.

Кое-кого из юных греховодников изгнали, в частности первого королевского пажа, герцога де Ла Тремуайя, имевшего

девичьи вкусы и проводившего время за вышиванием. Его срочно женили и отправили в провинцию с некоторыми из его сообщников. Когда король спросил, в чем их обвиняют, ему ответили, что они ломали изгородь в парке; возможно, король понял подлинную причину наказания, но выражение переключалось в разговорный язык, и приверженцев содомии стали называть «ломателями изгородей».

Поскольку король страстно увлекался охотой, любовные дела временно отошли на второй план.

Приближалось совершеннолетие короля, назначенное на тринадцать лет. В 1721 году его жизнь оказалась в опасности, когда ему стало плохо на торжественной обедне 31 июля, в день святого Германа Осерского. Он превозмог болезнь, и его выздоровление вызвало не только большое облегчение, но и огромную радость народа, для которого король-дитя уже сделался любимчиком.

В октябре 1722 года состоялась помпезная церемония коронации, и в феврале 1723-го о совершеннолетию Людовика было объявлено на краткой церемонии в парламенте.

Став по закону совершеннолетним, Людовик XV ускользал из-под контроля двух человек, которые наблюдали за ним в юные годы, с тех пор как король в семилетнем возрасте был передан им из-под опеки герцогини де Вантадур.

Одним из этих двоих был его гувернер, маршал де Вильруа, чопорный бородач семидесяти четырех лет, приступивший к своим обязанностям в 1717 году. Его отец служил некогда гувернером Людовика XIV; сам он был невыдающимся солдатом и отчаянным ловеласом. Вильруа питал пристрастие ко всему величественному, он взял в привычку постоянно выставлять Людовика XV на люди, из-за чего король возненавидел толпу и незнакомые лица. От этой неприязни он не избавился до самой смерти, и эта же неприязнь частично объясняла его поведение в личной жизни.

Другим был наставник короля, кардинал де Флёри. Сын сборщика церковной десятины из графства Лодев, он по

протекции кардинала де Бонци, брата маркизы де Кастри, стал духовником королевы Марии-Терезы, затем получил скромное епископство Фрежюс «по Божьей немилости», как он писал, ибо смертельно скучал в своей епархии, слишком удаленной от Версаля. Но это изгнание пошло ему на пользу, ибо избавило от врагов. Когда Людовику XIV потребовался наставник для правнука, он вспомнил о бывшем духовнике своей супруги.

Приступив к своим обязанностям, тот снискал доверие своего ученика, вызвал любовь к себе и заставил себя слушаться. Внешне мягкий в обхождении, господин Флэри был властным, настойчивым и упрямым. Он тщательно занимался образованием будущего короля и постарался внушить ему принципы добродетелей. Немного янсенист¹, он воспитывал Людовика XV в страхе перед Господом и муками ада, который беспрестанно его терзал во время любовного разгула. В этом отношении король потом выработал для себя особые нравственные принципы, позволявшие потомкам Людовика распутничать, не боясь кары Господней.

Но эта вольная мораль стала его уделом лишь понемногу, после смерти наставника, сохранявшего власть над своим учеником до самой своей смерти в девяностолетнем возрасте, после того как он практически в одиночку правил Францией семнадцать лет.

Став совершеннолетним, король предоставил практически все свои полномочия дяде-регенту и премьер-министру кардиналу Дюбуа. Эти два человека, хоть и погрязшие в грехах, были чрезвычайно умны и способны управлять на благо государства. Но такое положение вещей, устранившее молодого короля, длилось очень недолго.

¹ *Янсенизм* — движение, основанное в XVI веке голландским богословом Янсением, создавшим теорию благодати по святому Августину. Отличалось строгостью нравственных принципов и подразумевало независимость по отношению к властям.

Дюбуа своими интригами возвысился до ранга кардинала, хотя даже не был рукоположен в священники. Он был избран во Французскую академию и стал премьер-министром, но вскоре тяжело заболел. На фоне диабета у него развилась опухоль мочевого пузыря, приведшая к мучительной операции, после которой он скончался 10 августа 1723 года.

Регент вскоре последовал за ним в могилу. 2 декабря 1723 года он находился в Версале, куда годом раньше переехал двор. В тот день он позвал к себе герцогиню де Фалари, с которой состоял в близких отношениях.

— Вы будете меня развлекать, — сказал он посетительнице и вдруг задал ей такой вопрос: — Ты вправду веришь, что есть Бог, а после этой жизни — рай и ад?

— Да, Ваше Высочество, — отвечала герцогиня, — я твердо в это верю.

— Если все так, как ты говоришь, — продолжал Филипп Орлеанский, — горе тебе, что ты ведешь такую жизнь.

— Я все же надеюсь, — возразила дама, — что Господь смилостивится надо мной.

Регент попросил ее рассказать какую-нибудь историю, но в этот момент вдруг откинулся на спинку кресла, вскрикнул и, бездыханный, свалился на пол.

Герцогиня де Фалари позвала на помощь, однако никого из слуг поблизости не оказалось; все думали, что регент у короля. Наконец пришел один лакей и отправился за лекарем, но тот мог лишь констатировать смерть Филиппа Орлеанского.

Тотчас же герцог де Бурбон, правнук Людовика II де Бурбона, известного под именем Великий Конде, испросил у короля должность покойного. Людовик XV дал согласие. Этот факт окажется чрезвычайно важным для его любовной жизни.

Герцогу де Бурбону был тридцать один год, и он значительно увеличил свое состояние благодаря системе Ло. Он не отличался умом, но имел хорошенькую любовницу, госпожу де При. Та подумала, что Людовику XV пришла пора жениться, и убедила в этом своего любовника.

Именно герцог и закончил изгнание из дворца молодых людей с противоестественными половыми наклонностями и держал со своей любовницей совет, на который были приглашены кардинал де Флёри и маршал де Вильруа. Все согласились с тем, что брак с инфантой слишком далек и эфемерен и надо отослать ее на родину.

Маршал де Вильруа завершил разговор такими словами:

— Господь в утешение французам даровал нам такого сильного короля, что мы могли бы уже больше года ожидать дофина. Так что ради спокойствия народа и своего собственного Людовик должен жениться сегодня, а не завтра.

Несколько дней спустя Людовик XV снова заболел; герцог де Бурбон навещал его по нескольку раз в день. Когда король поправился, речь зашла о браке. Инфанту отослали, скрыв от нее правду. Вперед нее отправили нарочного, аббата де Ливри, с неприятным поручением объявить обо всем Филиппу V.

Принятый в королевском дворце в Мадриде, аббат передал королю Испании письмо герцога де Бурбона. Король прочитал его, краска бросилась ему в лицо, и он вскричал:

— Ах, предатель!

Затем позвал королеву, дал прочитать письмо. Та степенно сказала:

— Нужно послать за инфантой, — не подозревая, что принцесса уже на пути в Мадрид.

Первый этап был завершен, путь свободен, оставалось найти супругу королю Франции.

Герцог де Бурбон через государственного секретаря министерства иностранных дел господина де Морвиля составил список всех европейских принцесс на выданье: их оказалось девяносто девять; восемьдесят две кандидатуры были сразу отклонены при первом же рассмотрении.

Затем стали обсуждать возможных супругов. Во Франции проживали две сестры герцога де Бурбона, но это значило

бы слишком возвысить один из родов принцев крови. По той же причине была отвергнута дочь герцога Лотарингского, принадлежавшая по матери к Орлеанской династии. Подумывали о будущей царице Елизавете Петровне, но ее отец считался пьяницей, к тому же она была православной. По схожей причине отвергли дочь принца Уэльского, которая являлась лютеранкой и не могла перейти в католичество, так как Ганноверская династия вытеснила Стюартов лишь потому, что исповедовала протестантизм.

Когда отсеялись девяносто восемь принцесс, осталась одна Мария Лещинская — дочь лишённого трона польского короля Станислава Лещинского.

Партия не была блестящей, поскольку отца невесты сверг с трона саксонский курфюрст Август II. Бывший король Речи Посполитой влачил жалкое существование в эльзасском Виссембурге, закладывая драгоценности своей жены Екатерины Опалинской, когда ему вовремя не поступала скромная пенсия, весьма нерегулярно выплачиваемая Францией.

Думая, что не сможет удачно выдать замуж дочь, король Станислав дал ей суровое воспитание, чтобы она лучше могла переносить лишения. Марии тогда было двадцать два года, то есть на семь лет больше, чем Людовику XV. Она не отличалась красотой, но у нее был приятный цвет лица, выразительные глаза, тонкая талия. Как бы странно это ни показалось, но у нее была определенная привычка к светской жизни, она умела танцевать, играла на клавесине, хотя и без особого таланта. Зато она слыла доброй, веселой и щедрой.

Обо всех этих разнообразных достоинствах говорилось на Совете 31 марта 1725 года; король посоветовался с Флэри, и, поскольку тот отнесся к идее благосклонно, герцог де Бурбон послал курьера в Виссембург.

Тем временем подумали и о том, что хорошо бы Людовику XV получить первые уроки любви. С этой целью в Шантильи устроили праздник, и одна молодая особа,

Жилонна де Монморанси-Люксембург, с радостью взялась за поручение вывести короля из неведения. В случае неудачи была предусмотрена заместительница в лице госпожи де Лавальер.

Сохранившийся по этому поводу анекдот утверждает, что все попытки оказались тщетны и Людовик XV вернулся с праздника таким же девственником, как и уехал.

Простой народ, прослышавший об этом опыте, распевал:

Спросила у соседок
 Пирожница Мари:
 — Зачем ведут всех девок
 Толпою в Шантильи?
 Как так?! Для первой ночи
 Их нужен целый воз?

Тем временем посланец прибыл в Виссембург и передал королевское предложение королю Станиславу. Тот позвал к себе дочь и объявил, что сообщит ей хорошую новость.

— Встанем на колени и возблагодарим Господа.

— Ах, отец, вас снова зовут на польский трон?

— Нет, дочь моя, Небо к нам более благосклонно. Вы — королева Франции.

Новость о свадьбе была объявлена Людовиком XV на малой церемонии пробуждения в воскресенье, 27 мая. Она была воспринята очень неприязненно, и о будущей королеве поползли самые обидные слухи: говорили, что она страшна собой, что у нее сросшиеся пальцы на ногах и что она страдает эпилепсией.

Уверяли, что к этому союзу стремилась мадам де При, потому что фаворитке Бурбона нужна была жалкая, уродливая и глупая принцесса, чтобы можно было ею помыкать. Герцоги Орлеанские во всеуслышание заявляли о мезальянсе, а подстрекаемые ими маленькие люди проявили еще большую враждебность, чем великие.